

Тайфун

Рассказ

1.

Ветер потянул с востока. Он разогнал клубившиеся над скалистым хребтом кучевые облака, поволок по ущелью туман. Густая, белесоватая пелена затянула долину и, поднимаясь все выше, окутала пологую седловину гор.

— Ну, теперь жди гостя,— недовольно проворчал Прохоренко и снял с гвоздя патронташ. Выбрав два помеченных крестом патрона, он зарядил ружье, поставил его так, чтобы оно было под рукой и продолжил чаепитие.

В палатке их двое: он да заведующий Федор Сотников, прибывший на отгонные выпаса из станицы. Федор сидит на раскладушке по другую сторону ящика, служившего им столом. В руке — тоже кружка с крепко заваренным чаем.

— В чем дело? — кивком головы показал на ружье Сотников — волк, что ли?

— А то кто ж... Я же тебе докладал: повадился, проклятый, — за каких-то две недели пять валухов уволок. Поэтому и прошу: переведи на другой участок. Ведь он нас в разор пустит!

— Ну, это он еще по-божески,— усмехнулся заведующий. — Вот у Андрея Дудки, когда над Малкой стоял, восемь голов за одну ночь побили... А участка другого выделить не могу. Вчера смотрел — ничего подходящего нету. Так что придется стоять здесь.

Прохоренко сердито поставил кружку.

— Дождаться, пока половины отары не станет?

— Лучше организуй охрану. Собак используй. Сами ворон не ловите. Ну, не мне тебя учить...

Чабан, хмурый и недовольный, принялся скручивать сигарку.

— Организуешь тут... Такого паразита я в жизни не встречал. Собаки ему — ничто. Людей не боится. Смотри не смотри с под носа уведет.

Закурив, он немного успокоился и, пыхтя махорочным дымком, продолжал:

— Я, Федор, просто диву даюсь: чудной зверь какой-то. Ночью или в другую погоду — лучше не жди. А как такой вот туман наляжет — он тут как тут.

— Сейчас возле отары кто? — спросил Сотников.

— Иван. Покурю да пойду его сменю. Пусть пообедает...

Полог палатки шевельнулся, и в нее заглянуло молодое, курносое лицо.

— Легкий на помине! Ты чего явился? — набросился на помощника Прохоренко.— Кому сказано: не отлучаться ни на шаг!..

— Ды я, дядь Петь, закурить... Табак у меня вышел. А там — порядок. Нигде ничего не слышать. Дай, думаю, закурю и...

Гулкий топот шарахнувшейся отары и яростный лай не дали договорить парню. Прохоренко схватил ружье и, едва не сбив с ног помощника, выскочил из палатки. Вслед за ним поспешил Сотников.

В густом тумане ничего нельзя рассмотреть. Тревожно колышется сбитая в кучу отара. В стороне от нее что-то мельтешит, слышится рычание, грызня, потом — удаляющийся, остервенелый лай. Федор догнал Прохоренко. Безобразно ругаясь, тот мчался, как в атаке: шапка на макушке, ружье — наперевес.

Из тумана по одной возвращались собаки. Псы были возбуждены и взъерошены. Шерсть на загривках стояла дыбом. У одного — рана под глазом, у второго все ухо в крови. Свистя и науськивая собак, Прохоренко побежал дальше. Не отставал от него и Сотников.

— Увел!.. Шестого увел, гад его морде! — на бегу выкрикивал чабан.

Там, где начинается крутой, обрывистый спуск, они увидели в белесоватой мути чуть колеблющееся пятно. Прохоренко задержал бег, вскинул ружье,

— погоди! Не стреляй! — задыхаясь кричит Федор.— С валухом не уйдет, догоним!..

— Бух! Бух! — гремит из обоих стволов.

Погорячился чабан. Не послушал, промазал. Пятно еще с минуту помаячило и исчезло, будто провалилось сквозь землю.

По крутой, петлявшей между колючих кустов тропинке они спустились вниз, до самого края речушки. Долго бродили по обоим ее берегам, обшарили все расщелины, заросли и закоулки. Но нигде не обнаружили ни зверя, ни остатков барана. Изрядно уставшие, запыхавшиеся, Федор и Прохоренко выбрались из ущелья к стоянке.

— Куда же он утащил? — вслух недоумевал Сотников.

— Холера его знает! — отозвался Прохоренко.— И всегда так: с кручи спустил — и как в воду...

— Скажи-ка, Петр Игнатьевич,— подходя к палатке, спросил Федор,— видел ли ты хоть раз остатки: клочки шерсти там, рожки-ножки?

— В том-то и дело, что нет! Живьем куда-то уводит, а зачем это ему

— ума не приложу.

— Интересно!

— Тебе оно, может, интересно, а нам не дюже,— сердито проворчал чабан. — Невелик интерес — деньги выкладывать из кармана.

2.

Пробыв в горах с неделю, Федор Сотников собрался уезжать. Дал последние наставления чабанам, распрощался, сел в кабину грузовика. Умолившись поудобней, он повесил, на какую-то железку свою полевую сумку, фуражку. Но шофер медлил. Похаживал вокруг, стучал носком сапога по скатам. Потом зачем-то полез под капот,

— Ну? Ты чего? — не вытерпел Федор.

Водитель хлопнул крышкой капота, вытер тряпкой замасленные руки и хмуро буркнул:

— Придется обождать...

— Да чего ждать-то? Машина, что-ль, неисправна?

— Не, машина вроде в порядке. А ты вон туда глянь, — и показал через плечо большим пальцем.

Федор взглянул и досадливо поморщился. Погода, как это часто случается в горах, портилась на глазах. Только что светило солнце, было ясно, безоблачно, и вот, на тебе: ползет по ущелью, захватывая и плато, белесоватомолочная мгла.

— Может, проскочим? — неуверенно предложил Сотников.

— Нет уж, к черту! — вспылил шофер.— По этим дорогам при хорошей видимости езжай да оглядывайся, а в тумане и подавно. Мне не хочется вместе с автомобилем кувыряться с обрыва,

Федор посидел, подумал и вдруг, будто вспомнив что-то, торопливо выбрался из кабины.

— Ладно. Отдыхай,— сказал он шоферу,— сиди у кручи и жди погоды. А я — к Прохоренко.

По протоптанной овцами тропинке он стал подниматься вверх, а следом, настигая его, полз густой, влажный туман. Петра Игнатьевича он нашел возле

отары, Не доверяя больше подпаску, Прохоренко решил караулить овец сам и, чертыхаясь, сбивал их в кучу, подальше от обрыва.

— Погоди! — остановил чабана Федор.— Пусть будет все, как есть. Только собак спрячь и пойдем со мной. Со стороны понаблюдаем. Да ружье возьми. Пригодится.

Прохоренко позвал помощника, велел крепче привязать собак, И вместе с заведующим направились к спуску, откуда обычно появлялся зверь. Дойдя до места, где тропа круто уходит вниз, они свернули в сторону и залегли неподалеку в кустах, глаз не спуская с едва видневшейся в тумане кромки обрыва.

Пролежали пластом с полчаса. Продрогли, но ничего подозрительного не заметили. Первым заворчал Прохоренко:

— Давай, должно, сматываться отсель. Ничего не выйдет. Учует он нас и убежит, Или, покуда мы тут валяемся, с другого бока зайдет.

— Не учует,— вполголоса отвечал Федор.— Ветерок на нас... И с другой стороны не должен бы, раз тут ему удается.

— Ну, да,— продолжал чабан.— Вот так-то мы лежали, да не абы-где, а возле отары. Что ж ты думаешь? Все одно, подлюка, улучил момент и угнал. Это ж такая хитрая...— он не договорил и ниже пригнул голову. Оба услышали, как на тропе зашуршала щебенка под чьими-то осторожными, крадущимися шагами.

Через минуту в тумане показался волк. Крупный, темной окраски зверь поднялся до конца тропы и выглянул из-за обрыва. Постоял, насторожив острые уши, потом легким прыжком махнул вверх. Прохоренко повел дулом ружья, но Федор предостерегающе сдвинул его локоть, сердитым взглядом приказал: «Подожди!» Пригнув к земле голову и опустив хвост, волк бесшумно пошел к отаре. Зверь почти скрылся от глаз наблюдателей, когда раздался неистовый лай и навстречу волку вылетела из тумана собака. Еще два хриплых, басовитых голоса надрывались где-то вдали. Но остальные псы не

приближались. Этот же без малейшего колебания бросился прямо на волка. В мутной мгле было видно, как сшиблись они, встали на задние лапы, а дальше было уже невозможно что-либо разобрать. Что-то кружилось, мелькало, затем послышался визг, придушенный хрип,

— Байкал! — простонал Прохоренко, — Сорвался... Как же, холера его дери, привязывал собак подпасок,— Прохоренко сделал попытку выскочить из засады.

— Сиди!— жестко приказал Федор.— Байкалу не поможешь, а все испортишь. Теперь волк от нас не уйдет.

Как и в прошлый раз, послышался гулкой топот и шум шарахнувшейся отары. И тут же из тумана вынырнула пара: волк бежал бок-о-бок с овцой. Зубами схватив валуха за ушами, зверь подгонял его хвостом, и тот послушно семенил рядом. Так они спустились с обрыва и начали удаляться вниз по тропе.

Федор и Прохоренко с ружьем наготове, побежали следом, стараясь не выпустить из поля зрения волка. А зверь, увлекая свою жертву, вышел к речке, но не потащил ни в заросли, ни в скалы, чтобы пообедать в укромном месте. Он погнал валуха прямо по дороге, идущей вдоль берега реки, и скрылся за крутым поворотом. Охотники припустили вовсю. Прохоренко последними словами ругал Федора: ведь это из-за него он опять упустил зверя,

— ...Все выжидал чего-то! «Погоди» да «подожди»! Вот и дождался: с под носа ушел...

— Ничего не ушел!— на бегу оправдывался Сотников. — Он, не иначе к логову повел...Молодых обучать... Я читал... Мы их всех накроем.

— Не найдем — за этого валуха... тебе платить... Слышишь, Федор?.. Я и правлению... доложу, - задыхаясь, гудел Прохоренко.

Пререкаясь, они добежали до поворота, обогнули скалу и разом остановились. Так и застыли на месте, опустив руки и раскрыв рты. На дороге возле большого куста стоял всадник. Их валух был уже связан и перекинут через

седло. А волк, повизгивая, махал хвостом, как самая обыкновенная дворняга.

— Молодец, Тайфун! — негромко сказал человек. Перегнувшись в седле, он потрепал по голове зверя. Потом выпрямился, тронул коня и бесшумно исчез в кустах. За ним побежал волк.

Охотники переглянулись,

— Кобель!.. — оторопело выдохнул чабан.

Сотников прислонился к скале и затрясся в беззвучном хохоте. Метнув на него яростный взгляд, Прохоренко решительно взвел курок.

— Зараз я этого паразита спешу!.. И ты не мешай.

Но Федор помешал. Схватив ствол ружья, другой рукой отирая выступившие слезы, приговаривал:

Постой. Теперь и подавно они от нас не уйдут. Сделаем все по закону... Да и дурни ж мы с тобой, Петр Игнатьевич!

— Не пойму я, чего ты? — сердился Прохоренко.

— Ну, как же. Так опростоволоситься.

— Дык кто ж его знал... За туманом не видать, а повадка у него самая что ни на есть волчиная.

— Да-а, дрессировочка. Пойдем быстрее, а то ускачет — будешь потом искать. Пеший ведь конному не товарищ.

— Догоним. С валухом на седле не дже раскачешься.

Они прибавили шаг. По едва заметной тропинке прокрались сквозь заросли, поднялись на бугор и увидели всадника. Он сунулся в седле, придерживая овцу, и наизволок поднимался по противоположному склону распадка. Худой караковый конь, в такт кивал головой, шел резвой иноходью.

Шел беззвучно. Ни один камень не загремит я не щелкнет под обмотанными тряпками копытами. Издали казалось, что лошадь вообще не касается земли, а плывет над ней в ватных клочьях тумана. Следом деловитой рысцей трусил тот, кого они принимали за волка.

3.

Всадник остановился возле чабанской будки. Спешился. Привязал лошадь к передку арбы. Снял с седла валуха. Вынул из кожаных ножен нож и принялся точить его на бруске, изредка поглядывая на связанную жертву. Делал он все это по-хозяйски, не спеша, будто вернулся не с воровского набега, а с базара.

Неподалеку лежал верный помощник — огромная восточно-европейская овчарка, разительно похожая на волка. Вот разве что масть выдавала собаку: серые с подпалинами грудь и лапы, а бока и спина темные, почти черные. Волков таких не бывает. Пес тоже глаз не спускал с добытого валуха и облизывался в ожидании своей доли. Оба так были увлечены, что не заметили, как на поляну вышли из кустов еще двое. Один помоложе, с виду начальник. Во втором можно было безошибочно узнать чабана. Они тихо приблизились к арбе и остановились. Первым опомнился пес. Услышав совсем близко подозрительный шорох, он оглянулся и с яростным лаем бросился на пришельцев. Молодой схватил вилы, приставленные к арбе. Пес, рыча и воя, отступил.

— Ни с места! Бросай, нож!

Это относилось к его хозяину, стоявшему возле связанной овцы. Он не добро, исподлобья, оглядывая незнакомцев, будто оценивая, на что они способны. Потом, видимо, приняв решение, сделал полшага, но тут же щелкнул взведенный курок, и прямо в грудь ему оставались черные дыры стволов.

— Только ворохнись!.. У меня на такого гада рука не дрогнет.

Не отнимая приклада от плеча, Прохоренко коснулся спуска. Сотников

приблизился к человеку с ножом, повторил приказание:

— Бросьте нож, вам говорят, и ступайте со мной.

— А ты рискованный, начальник, — криво усмехнулся тот. — Что, как я брошу, а ножик возьмет, да и полетит... Только не на землю.

— Не успеешь. Ну, пошли, времени у нас мало.

Федор, не оглядываясь, направился к будке. По лицу похитителя прошла судорога. На скулах задвигались желваки. Он так стиснул рукоять ножа, что побелели суставы. Однако благоразумие взяло верх. Пальцы медленно разжались. Нож из руки выпал и острым концом вонзился в землю.

Федор в будку не пошел, а сел возле нее на скамью под навесом. Облокотился о грубо сколоченный стол.

— Документы! — потребовал он,

стукнув ладонью по крышке стола.

— Ты чё хочешь? Ты чё пристал? — зачистил задержанный, — какие те в горах документы?

Сотников не без любопытства всмотрелся в него. Стоящий перед ним преступник, хорошо сложен, плотен и

довольно красив. Но смуглое с правильными чертами лицо имело неприятное выражение. На нем как бы смешалось выражение дерзости, затаенного страха и нахальства. Достав папиросу, Федор закурил;

— Скажи спасибо, что мы еще разговариваем, а не ухлопали тебя на месте, когда ты валуха грузил... Книжку чабанскую давай. Живо!

— Ладно. Ваша взяла, — совсем другим тоном сказал вор и полез в карман, — вот она, чабанская книжка.

На стол шлепнулся мятый, засаленный блокнот. Федор раскрыл его, удивленно поднял брови,

— Э-э, так ты, оказывается, земляк! Петр Игнатьевич! — обратился он к чабану, — колхоз «Знамя труда» нашего района.

— Я сразу узнал, откуда он, гусь лапчатый, — хмуро отозвался Прохоренко.

— Как узнал? — поразился заведующий.

— По тавру. Вон припечатано «ЗТ» у коня на ляжке.

— Так... Значит, Хромов Матвей Иванович. Год рождения и проч. и проч. — Федор захлопнул и отложил книжку. — Что же тебя толкнуло на разбой?

Наглость и показная бравада тем временем окончательно слетели с чабана, поименованного в книжке Матвеем. Он принялся униженно просить;

— Хлопцы! Слово даю: больше — ни в жисть!.. А воровать — ей-богу — голод заставил. Не жравши посидишь — поневоле пойдешь. Вам хорошо: и мясо выписывают, и с отар разрешают резать. А у нас такие жмоты...

— Не бреш! — прервал Прохоренко, — порядки и у вас такие же. Нигде еще чабаны не сидели без мяса. Скажи лучше — украсть да пропить. В это я поверю.

— Ну, не без этого, — нехотя сознался Матвей, — иначе в сопках проклятых с тоски загнешься.

— Еще и кобеля приспособил! — гневно продолжал Прохоренко. Ты понял,

Федор, почему его наши собаки не могли взять?

Сотников кивнул. Он давно заметил на овчарке необычный ошейник, на прикрывавшем горло широком ремне густо торчали острием наружу металлические шипы,

— Стыдно тебе, Хромов,— пока зал головой Федор.— Такие собаки везде благородную службу несут. Раненых спасают. Границы стерегут. А ты на овец натаскал, вора из него сделал.

— Кобель смысленый, с полслова понимает... Одному несподручно, пришлось выучить,— угрюмо бубнил Матвей,

— Ну, вот что: добром за валухов заплатишь или в суд на тебя подавать?

— Заплачу. Чего уж...

— Деньги отдашь вот ему, Петру Игнатьевичу. А он вернет тебе седло и лошадь.

— Вы... коня возьмете?

— А ты думал я обратно валуха на горбу буду тащить?— повысил голос Прохоренко.— И так по твоей милости бегли черте-куды, было запалились. И вообще, лошадь взять — надежнее.

— Мы и пса у тебя конфискуем,— жестко сказал Сотников,— он загрыз лучшую сторожевую собаку. Придется ему вместо нее нести службу.

Услыхав это, Матвей не мог удержать злорадной улыбки. А Прохоренко не на шутку встревожился, дернул за рукав заведующего:

— Брось чудить, Федор! На черта мне сдался такой кобель! Ведь он, проклятый, за одну ночь полотары к нему перетаскает.

— Ничего, отучишь. Ну, давайте кончать. Действуй, Петр Игнатьевич.

Прохоренко, кряхтя, взвалил валуха на седло. Взнуздal лошадь. Но садиться медлил. Он явно был недоволен мирным завершением дела. Покосившись на стоявшего в стороне Матвея, чабан просительно обратился к Сотникову:

— Дозволь мне на прощанье его побить. Я б за все пакости, какие он сотворял, отвел бы душу над ним!

— Залезай, залезай! Все бы ты

дрался...Хромов! Чего стоишь? Неси цепь.

Матвей принес длинную цепь, молча бросил к ногам Сотникова.

— Ты мне не швыряй! Привязывай к седлу собаку.

Ворча про себя, Хромов повиновался. Чужа недоброе, Тайфун закуролесил, отказываясь идти за лошадью. Он яростно грыз цепь, метался. Но не даром прежний хозяин отозвался о нем, как о собаке смысленной. Видя, что Сотников вырезал длинную хворостину, пес мигом сообразил, что к чему, Он прекратил свои фокусы и послушно потрусил за конем. Только косился на идущего позади чужого человека да скалил большие белые клыки.

На первом километре им повстречалась отара. Овцы спешили на тырло, а вслед за ними брел с сумкой через плечо сухонький старичок. Увидя странную процессию, он остановился в немом изумлении и даже снял с головы потрепанный соломенный брыль.

— Чего, дед, зевало раскрыл?— грубовато пробасил Прохоренко.— Теперича вашему воровству — крышка. Ишь, повадились, сукины сыны!

— Да я, милок, к этому делу не причастный,— зашелестел старик. — То ж все Матюшка... Лихой человек поштрели его гром. Я давно за ним примечаю, да робостно заявить, куды следует.

Он подошел ближе и, поглядывая то на Сотникова, то на Прохоренко, доверительно сообщил;

— Это ж истинный душегуб. Он за смертоубийство и на каторге много годов просидел. Вы бы постереглись его, ребята. Долго ли до греха.

Не заметив должного испуга ни у того, ни у другого, старик про себя отметил: «Одного, видать, поля ягоды...Народец пошел — разбойник на разбойнике... И эти тоже. С оружием, вишь, шастают. Да и морды — в самый раз...»

И Прохоренко не замедлил подтвердить его предположение. Он хмуро усмехнулся, тронул коня. Отъезжая,

бросил;

— Мы сами, дед, кому хошь рога свернем.

4.

За похищенных валухов Матвей Хромов деньги отдал. Залог в виде лошади и седла ему вернули. А Тайфун, разбойничий пес, остался у Прохоренко. Чабану понравилась на редкость умная собака, и он взялся за ее воспитание. Известно, что учить всегда легче, чем переучивать. Прохоренко в полной мере испытал это при работе с Тайфуном, Пес он был, по словам чабана, башковитый. Но голова у него оказалась забитой отнюдь не тем, что требуется от чабанской собаки. Дает команду ему, например, чабан завернуть овец, показывает рукой на отару. Тайфун бросается со всех ног, волчьей своей хваткой берет первого попавшегося валуха и быстро гонит его к хозяину. Прodelав это, умильно поглядывает на чабана, виляет хвостом и облизывается, ожидая подачки.

Много времени, терпения и упорного труда пришлось потратить Прохоренко, чтобы приучить его делать то, что положено чабанскому псу. И Тайфун кое-чему научился: заворачивал и подгонял отару, собирая всех вместе; расчлeнял по частям, прогонял заупрямившихся животных по расколу. Но чабанской собакой в полном смысле так и не стал. Он лишь добросовестно выполнял команды. Душой Тайфун не прирос к отаре и на овец смотрел как на собственность хозяина. Скажет чабан: «Стереги» — будет стеречь. Сам же и не подумает пойти вслед за овечьим стадом.

Настоящий чабанский пес, даже в отсутствие человека, ни за что не вытерпит, если отаре угрожает опасность: трактор ли идет по дороге, на которой улеглись овцы, или подошла близко к обрыву глупая баранта. Он непременно поднимется и прогонит подальше. Такая собака не представляет своего существования без отары, чувствует себя с ней единым целым, и как сама ушла бы из-под колес, так же поступает и с овцами. Иное

дело — Тайфун. Ему — хоть машина лети на отару, хоть табун коней. Нет команды — он и ухом не поведет.

Однако то, что усвоил, выполнял Тайфун виртуозно. С ним у чабана совершенно отпала необходимость таскать на плече длинную ярлыгу. Понадобилось, скажем, Петру Игнатьевичу поймать на пастбище овцу: выяснить причину хромоты, отросшее копыто подрезать или обработать против личинок и мух. Он не бегаёт теперь, как бывало, по отаре с палкой. Стоит только скомандовать Тайфуну «держи!» и показать пальцем. Пес мигом схватит и будет держать именно эту овцу.

Приходилось ему выполнять и более сложные поручения. Выяснилось, что Тайфун знал отдельные хозяйские вещи и мог по первому приказанию доставить их хозяину. Это его качество особенно пригодилось в горах. Погода здесь, как известно, портится неожиданно и быстро. С утра было ясно, ничто не предвещает дождя, и идет чабан налегке. А потом откуда ни возьмись холодный ветер, выползет из-за хребта темная туча, того и гляди, хлынет дождь. До стоянки далеко, добежать не успеешь. Вот тут-то к выручал Тайфун. Поежится Прохоренко, скажет ему: «Дождя не миновать, волоки, должно, плащ». Пес опрометью бросится домой и вскоре возвратится с брезентовым дождевиком в зубах.

Знал также Тайфун, что такое бурка, сумка, башлык. Случайно открылось, что знает он и еще одну вещь, весьма важную в походной жизни. Как-то Сотников приехал на отгонные выпаса делать инвентаризацию. Проверив вместе с Прохоренко по описи все имущество, он сказал:

— А еще за тобой числится фляжка. Где она?

— Фляжка-то? Где ж ей быть... В арбе, должно, висит на стенке.

Услышав дважды повторенное слово «фляжка», Тайфун насторожился, потом сорвался с места. Через минуту примчался обратно, неся во рту круглый, обшитый сукном сосуд.

— Вот, пожалуйста, он принес:

смотри, если не веришь,— похвалился перед Сотниковым старый чабан, и не выдержав, принялся ласково трепать своего помощника: — Ай, умник!.. Ай, разумник! Это же не кобель, а чистое золото! Что ни скажи — сделает. И овцу поймает, и одежду принесет, и харчи тебе в степь доставит. Я этому чертову Матюшке за него и валухов готов простить.

— Видишь, а ты еще сердился, когда говорил тебе я: бери.

— Да кто ж его знал.

Прохоренко и соседние чабаны крепко полюбили смышленного, ласкового пса. Но чабанские собаки посматривали на Тайфуна недружелюбно, заядлые волкодавы никак не могли примириться с присутствием на отаре этого похитителя овец и все время норовили сцепиться, свести с ним старые счеты.

5.

В конце августа отары начали спускаться с гор. Недели две кочевали и, наконец, прибыли домой. Разместились на уцелевших клочках целины, на стерне и на скошенных полях кукурузы. Кошары и временные стоянки овец находились одна от другой близко. Тут-то и проявил Тайфун новью свои «таланты». Да такие, о которых никто и не подозревал. Кроме всего прочего, он оказался необычайно «хозяйственным»: тащил все, что плохо лежит, и аккуратно складывал на пороге.

В первое же утро вышел Прохоренко из будки, а перед ним куча вещей. Здесь и рваный хомут со шлеей, и старый дырявый валенок, и кастрюля, и чьи-то засаленные ватные брюки, высохшая овчина и прочее. Диковинное скопище венчал большущий эмалированный чайник с прикрученной проволокой ручкой.

— Что такое!— вскричал Петр Игнатьевич. — Кто натащил сюда хламу?

— Не знаю,— развел руками второй руки чабан.— Я возле отары дежурил.

Отгадка пришла сама собой. Не успели они подивиться, как невдалеке показался Тайфун. В пасти у него, розовея байковой подкладкой, торчала галоша. Пес подошел, положил добычу в общую кучу и, довольный, завилял хвостом. Как же! Ведь он так славно потруился, рыская вокруг и стаскивая к будке эти вещи. Случалось, и с боем приходилось брать приглянувшуюся ему штуковину — чабанские собаки не дремали... Назначения многих предметов Тайфун не знал. Но все равно нес — хозяину пригодится.

Гордясь собой, пес ожидал похвалы. И был немало удивлен и обижен, когда хозяин заорал, затопал ногами:

— Ах, ты старьевщик, проклятый! Да на кой ляд мне нужна эта шваль!.. Сейчас же все неси обратно!

С оскорбленным видом Тайфун отошел в сторону и, опустив хвост, недовольно поглядывал на расходившегося Петра Игнатьевича.

— Ему, Игнатьич, чтобы отнести, где брал, дня не хватит,— покачал головой подпасок.— Гляди, чайник этот он взял у Лукича, штаны, похоже, Дудкины, а хомут — от серой кобылы, на той, что ездит Алешка Буркун...

— И верно. Он, нечистый дух, на всех отарах побывал. Ну, что теперича с этим добром делать?

Прохоренко в сердцах стукнул пинком пузатый чайник, хотел поддеть и хомут, но запутался в шлее и едва не упал, сплюнул со зла и удалился. Подпасок перекидал вилами «добро» в загородку, пристроенную для больных и слабых овец. Вскоре окрестные чабаны узнали о проделках Тайфуна, и на отару Прохоренко началось паломничество. Ехали верхами, на бричках и одноконках, останавливались возле будки, спрашивали:

— А что, Игнатьевич, не приносил Тайфун мою шапку?

— Слышь, дядь Петь, мешок новый, крапивный, не у вас? Повесил на забор, чтобы просушить и... нема.

Прохоренко надоело отвечать на подобные вопросы, он только кивал на

загородку, иногда хмуро бросал:

— Смотри, что приносит — складаем там.

— Ну, твой кобель приучит к порядку!— смеялись чабаны.

— Будто целит, вражина: чуть зазевался, не прибрал что-либо — уже унес...

И невольно подтягивались. Следили друг за другом. На кошарах то и дело слышалось:

— Эй, Митро! Почему плащ не повесил? Наскочет Прохоренкин кобель — по тех пор ты его и видел.

— Санька! Сколько раз тебе говорить, чтобы не бросал хомуты под арбу? Сам потом пойдешь к Прохоренко!

То ли лучше стали смотреть чабаны за своим имуществом, то ли возымела действие ругань хозяина, но Тайфун понемногу перестал «барахолить». Однако не в его деятельной натуре было лежать на солнышке да выкусывать в шкуре блох. Через какое-то время он вспомнил старое ремесло и вновь поднес Прохоренко знатную пилюлю.

...День выдался пасмурный. Часто моросил мелкий осенний дождь. Прохоренко ходил с овцами по лощине, в так называемой Сухой балке. В полдень он стырловал отару, сказав Тайфуну: «Ты тут смотри», а сам прилег за бугорком под кустом боярышника и приготовился пообедать.

Не успел Петр Игнатьевич опорожнить банку тушонки, как с вершины бугра, где пас овец невидимый в тумане Андрей Дудка, донеслись неистовые вопли, топот и брань. Торопливо проглотив кусок и на ходу вытирая губы, Прохоренко поспешил на шум и увидел такую картину: схватив за шею, сводил Тайфун с горы крупную мериносовую матку. Перепуганная овца покорно семенит рядом с собакой и не делает попыток вырваться и убежать. Вслед за ними, ругаясь и размахивая герлыгой, бегом спускается Дудка. Он скользит по мокрой траве, падает, вскакивает и снова бежит, увлекая вниз целую лавину земли и щебня.

На глазах у обоих чабанов Тайфун пустил овцу в свою отару, а сам повернулся и с рычаньем бросился навстречу законному ее владельцу, Остановленный грозным окриком Прохоренко, пес нехотя вернулся и лег в стороне, не переставая рычать и скалить зубы на чабана.

— Шо ще за хвокусы?!— резкой, сиплой фистулой кричал злой, возбужденный Дудка. — Я соби пасу, а цей пидкрадається... пидкрадається... С пидниса утягнув матку!

— Не шуми, — хмуро прервал Прохоренко.— Кобеля дюже и винить нельзя. Выучка у него такая.

— Та на кой кляп вин мэни сдався с выучкой своей!— вновь загорелся разгневанный чабан. — Дывись, Петро: ще заявится, возьму ружье — так там и ляже.

Дудка ловко подцепил герлыгой овцу и поволок на гору, не переставая клясть на все лады Тайфуна. Долго еще слышался в тумане его тонкий, скрипучий голос.

—...курча зьив... Штаны ватные — ще добрые —унис... Тэпэр, бач, и до отары добрався... А, хай бы ты луснув, бирючья шкура!

Прохоренко строго отчитал пса. Даже кнутом на него замахнулся. И Тайфун понял по-своему: хозяин разгневался оттого, что он попался. Значит, надо брать так, чтобы никто не знал и не видел...

Ночью Тайфун согнал валухов в кучу, а сам отправился на промысел. До рассвета он успел посетить не одну стоянку. И провел операцию по укрупнению своего стада столь успешно, что чабаны ни те, ни другие даже не хватились. Лишь утром подпасок, гонявший отару на водопой, обнаружил «прибыль» и, встревоженный, прибежал к Прохоренко,

— Дядь Петь, а у нас овцы чужие!..

— Как то есть, чужие? Откуда взялись?

— Не знаю. Должно приبلудились,

— Ох, что-то не то...

Чабан поспешил к отаре и увидел среди своих старых валухов несколько животных иного возраста и пола. Подпасок, стоя за спиной Петра Игнатьевича, выглядывал из-за плеча и удивленно опознавал:

— Вон матка с тавром на боку — это ж дяди Гаврюшки... У них осеменение началось... Гля! и ярка Иванова тута... О, баранчик рогатенький, из племенных»... Не иначе — от Буркуна Алешки...

Прохоренко, механически считая глазами «приблудившихся» чужаков, вскипел. Он сразу понял, в чем тут дело. Терпение его лопнуло. Петр Игнатьевич подозвал довольно ухмылявшегося Тайфуна, дал ему для начала доброго тумака и с чувством пожелал:

— Чтоб тебя ч-черт побрал, вместе с воспитателем твоим воровитым!

Потом велел подпаску запрячь пару лошадей в бричку. Когда повозка подкатила, он сграбастал шкодливого пса за шиворот, не очень вежливо подтащил к отаре. Показав пальцем и подтвердив приказание пинком, скомандовал:

— Выводи!

Тайфун ринулся в стадо, схватил тавренную суриком матку. И вот уж она лежит связанная на подводе. Палец хозяина нацелился на овец.

— Волоки!

Рядом с маткой улеглась ярка.

— Вытаскивай!..

И баранчик занял уготованное ему место.

Так продолжалось, пока весь ночной «улов» Тайфуна не погрузили на бричку.

— Ты, подлец, тоже со мной пойдешь! — заявил псу Прохоренко. — Вместе будем перед людьми моргать... — он размотал вожжи, гикнул на лошадей и затарахтел по кочковатому, глухому проселку.

Полдня развозил Петр Игнатьевич похищенных овец по кошарам. Прежде чем пустить матку в отару, Прохоренко подтащил к ней Тайфуна, тыкал носом в чабана-хозяина, потом — в овцу и сек кнутом, внушая:

— Нельзя красть!.. Нельзя красть! Нельзя красть!..

Жестокая вынужденная мера оказала свое действие. Теперь Петр Игнатьевич, отправляясь к тому или другому чабану, всегда брал с собой Тайфуна. Ни на шаг не отпускал от себя. А разговаривая с чабанами, всячески подчеркивал свое дружелюбное отношение к этим людям. Даже с кем был не в ладах и тем улыбался, хлопал по плечу. Если же кто, вспомнив обиды, — все-таки повышал голос и пытался крупно поговорить, Прохоренко шепотом останавливал.

— Тише... Мы с тобой после доругаемся. Понимаешь, при нем нельзя, — и кивал на Тайфуна, — овец можешь недосчитаться...

Пес слушал, смотрел, примечал, ничто не ускользало от умного взгляда овчарки. Тайфун улавливал и воспринимал малейшие оттенки настроения при разговоре чабанов. И делал выводы. В конце концов он усвоил главное: все эти люди — свои. А раз так, значит, брать у них ничего нельзя. Кто же ворует у своих? Придя к такому заключению, Тайфун оставил в покое соседские отары. Этого и добивался от него Прохоренко. Правда, Петр Игнатьевич опасался, что на отгонных пастбищах, где будут и чужие отары, Тайфун может вспомнить воровское свое ремесло. Но на следующий год овцы в гору не пошли. Выпасов там больше не дали.